

Потому что она называла его *так*

История спектакля «Сашашишин», выпущенного в прошедшем сезоне Гариком (Игорем) Сукачевым на основной сцене «Современника», началась еще при жизни Галины Волчек и разворачивалась достаточно драматично. Сложносочиненный роман Александры Николаенко «Убить Бобрыкина, или История одного убийства» представить воплощенным на сцене мог только очень отважный человек. Но шумная и яростная «Анархия» в режиссуре Сукачева давала основания доверять его вкусу. Через четыре года после смерти Галины Борисовны в театре на Чистых прудах сыграли премьеру, которую постановщик посвятил памяти легендарного художественного руководителя.

Мерцающее сознание Саши Шишина, чья психика разрушена одной из форм аутизма и диктатурой матери, Николаенко преподносит в тексте, соединяя реальность и галлюцинации, воспоминания детства и подробности жизни пожилого и крайне нездорового человека. К тому же часть романа написана ритмизованной прозой, к размеру которой необходимо подключаться, что требует от читателя усиленной сосредоточенности. Все это заставляло предположить, что перенесенный на сцену роман будет непонятен зрителю, а история, рассказанная в нем, – не интересна. Опасения никуда не делись и после появления пьесы, написанной Ольгой Погодиной-Кузьминой в соавторстве с режиссером.

К чести Гарика Сукачева, идея постановки не оставляла его все эти годы, и, к чести театра, «Сашашишин» появился на большой сцене, собирает полные залы, его по праву можно назвать украшением сегодняшнего репертуара «Современника».

Придуманное режиссером вместе со сценографом Андреем Шаровым пространство не только невероятно красиво – оно подчиняется законам некоей магии, в которой вроде бы есть все элементы документальности, жизнеподобия, но, объединяясь в целое, они создают нечто нереальное, территорию воображения. Так мир преломляется во снах. Так большие художники (писатели, живописцы, композиторы) видоизменяют действительность, рассматривают ее под тем углом допустимого нарушения, в том необычном ракурсе, что доступен только настоящим творцам.

Декорация «Сашишишина» сложена из четырех частей. Три из них – разноуровневые игровые пространства. У самой авансцены выделена полоска планшета с настоящей лужей, детской песочницей и скамейкой. Здесь девушка Таня, в которую влюблен Саша, защитит его от нападков Бобрыкина. Это территория счастья.

Возвышение над планшетом, занимающее практически всю сцену, – территория реальности, в которой происходит всякое: и хорошее, и ужасное. Когда предметы мебели съезжаются – это уже затхлая квартира, где герой живет сначала с матерью, а потом без нее. Когда пространство свободно – оно превращается в улицу, каток (именно здесь к актерскому ансамблю спектакля подключаются прекрасные танцовщики, руководимые Егором Дружининым, автором пластической партитуры спектакля). Но что бы ни происходило, один предмет остается – кровать с железными спинками и проваливающейся металлической сеткой. Это берлога Шишина, где, накрывшись одеялом, он может

«Сашашишин». Московский театр «Современник». Сцена из спектакля.
Фото А. Комарова

спрятаться от всего на свете – матери, мыслей о ненавистном Бобрыкине, вони от варящихся на кухне свиных ног, которые родившая его женщина называет «копытами». От всего... кроме любви к Тане.

Есть и территория ожога – это площадка между двумя лестничными пролетами. Здесь, на возвышении, случится лучшее, что было в жизни Саши, – поцелуй Тани. Она целует по-настоящему, по-взрослому, прижимая к себе, касаясь влажными губами его толстых губ.

Все эти «территории» существуют на фоне постоянно меняющихся проекций (авторы видеоконтента – Алена Козина, Слава Минченко, Науар Битар). Они поддерживают происходящее на сцене, обозначая подлинные или вымышленные места действия. Тут и море, в которое превращается лужа, где проказничали Таня и Саша, и унылая пятиэтажка с надписью «Хозяйственный», куда мать отправила Шишина за мылом и веревкой. Но любая проекция всякий раз – искаженная реальность, обработанная воображением художника. Вроде бы на экране та же самая хрущевка... да не та. Она – такая, какой может присниться.

И в романе Николаенко, и в спектакле Сукачева герой существует в трех возрастах: ребенок, парень и старик. Если говорить о линейном сюжете, это воспоминания измученного жизнью человека. Героя играют четыре актера и одна кукла. Мальчик Саша, как и куклы маленьких Тани и Бобрыкина, управляем двумя актерами Театра им. С.В. Образцова.

«Сашашишин». Московский театр «Современник». Сцена из спектакля.
Фото А. Комарова

Очаровательный, но замкнутый ребенок с кукольным лицом, повторяющим черты Дмитрия Смолева (исполнителя роли повзрослевшего Саши), влюбляется сначала не в Таню, а скорее в свободу, которую она ему предлагает, – играть в полноценную семью, шлепать по лужам, забрызгивая не только сапоги, но и ту самую шапку, воображать, что это море. Но счастье может в секунду оборвать истеричный крик матери.

Мыкающийся, состарившийся Шишин – Василий Мищенко. Чудесным образом все ипостаси персонажа соединяются в нашем восприятии воедино. Мы обязаны этим эффектом красной шапке, которую некогда связала мать и с которой наш герой не расстанется, и еще – что намного важнее – тому, что исполнители ролей с невыдуманным, подлинным интересом относятся к своему персонажу и друг к другу.

У Василия Мищенко очень сложная актерская задача. Партитура роли практически не предполагает собственно действия. Его Шишин пребывает в мутном тумане то ли воспоминаний, то ли выдуманных ситуаций. Как в его любимой детской игре в Изумрудный город (когда разглядываешь мир через зеленое бутылочное стеклышко): все окружающее то ли есть, то ли нет. Герой Мищенко практически уже не говорит. Обрывки слов с трудом складываются в короткие предложения. Он сам пишет себе письма от Тани. И именно ему режиссер доверяет сыграть самое важное и страшное событие в жизни Саши – смерть Тани.

«Сашашишин». Московский театр «Современник». Сцена из спектакля.
Фото И. Кузнецовой

Мысли о ней – единственное, что многие годы сообщало смысл его нескладному существованию. Василий Мищенко филигранно, удивительно тонко, буквально всем телом, которое вдруг перестает слушаться, играет шоковое состояние. Без воплей, криков, стенаний. На архикрупном плане. Кажется, что человек умирает на наших глазах. Никаких камер, позволяющих снимать и транслировать на экране лицо актера, в спектакле нет. Невероятной выразительности Мищенко достигает за счет точного внутреннего монолога.

Можно смело утверждать, что спектакль «Сашашишин» открыл Дмитрия Смолева как мощного драматического актера. И крайне важно, что в этой роли он не играет диагноз, для чего достаточно подробной работы с наблюдениями. Актер и режиссер, скорее всего, не пренебрегли этим этапом работы над ролью, но им не ограничились. Шишин Смолева – человек без кожи, ему больно, образно говоря, даже от нежного прикосновения мизинцем. При этом он – большой, крупный человек, не осознающий своего тела. Говорит почти фальцетом, что сильно диссоциирует с внешним обликом. Плохо справляется со всей физиологией, в том числе с мимикой. И иногда бывает страшен – как во время приступа, спровоцированного матерью. Казалось бы, полюбить все вышеописанное – и уж тем более пожалеть – невозможно. Это не миленький больной парень. Но Смолев играет так, что за его Шишина переживаешь как за

«Сашашишин». Московский театр «Современник». Сцена из спектакля.
Фото А. Комарова

родного. Его неочевидная красота и очевидная правда – в чувстве абсолютной любви к Тане. Он, конечно же, обманывается, полагая, что единственным препятствием для взаимности является соперник Бобрыкин.

А что Таня, Танюша? На ее роль Сукачев назначает не диву, а почти клоунессу. Рыжую от природы Дарью Белоусову. Яркая «рыжина» актрисы – не только цвет волос, но часть естества. Ее Таня живет на тектоническом разломе двух реальностей. В одной из них она выходит замуж за вполне приятного, а главное здорового парня Сережу Бобрыкина, в другой – интуитивно понимает, что сила чувств Саши не идет ни в какое сравнение с тем, что может испытывать обычный человек. И ей, Тане, это чувство, его сила и сам Шишин очень важны. Только с Сашей она равна себе настоящей: безудержно ныряющей в любую фантазию, в любую игру, даже самую дурашливую. Только Саша способен поверить в любые предлагаемые обстоятельства. И однажды она его поцелует. Однажды спасет, пойдя против Бобрыкина. И однажды оставит.

По сути, это выбор между реальностью и утопией, который вынужден сделать повзрослевший человек. Сложный для героини выбор, даже страшный.

Белоусова играет прощание на контрасте с образом веселой и легкой Тани, играет наотмашь, физически трудно рождая слова, – так, что из рыжей на мгновение становится огненной.

«Сашашишин». Московский театр «Современник». Сцена из спектакля.
Фото А. Комарова

У Сукачева в спектакле нет гадких и отвратительных людей. Он каждого любит, находит возможность оправдать и мать, и Бобрыкина. В этом, быть может, и состоит принципиальнейшее отличие спектакля от романа. Николаенко смотрит на всех участников этой истории глазами героя, Сукачев оставляет каждому из пяти актеров право защитить своего персонажа.

В сущности, Бобрыкин Николай Клямчука – славный, физически крепкий молодой человек. Он тоже любит Таню. И тоже с самого детства. Ну, не понимает ее взаимоотношений со странным и малоприятным Шишиным. В его мире есть представление об ответственности за семью, умение зарабатывать – тут не до фантазий и грез. Но есть и то, что Бобрыкин отлично скрывал всю жизнь. Оно проявится в момент встречи двух состарившихся соперников, когда Бобрыкин вдруг станет зеркальным отражением Шишина, таким же нелепым, с тем же фальцетом. Когда, еле-еле складывая не слова, но звуки, он скажет Шишину, что Таня умерла. В потере любви они равны и подобны.

Молодая актриса Елена Козина часть роли матери проводит под маской. В сознании Шишина–Мищенко она уже не человек, – мумия. В сценах со Смолевым она – женщина среднего возраста, оставшаяся один на один с трагедией, болезнью сына. Отвратительный, надо сказать, персонаж. Транслирует прописные истины, словно вбивая их

в голову слушающего. Собрание глупостей, помноженное на религиозную риторику и даже мракобесие. И все это ритмизованной прозой. В какой-то момент задаешься вопросом, зачем так настаивает актриса на этой краске. Но предсмертное признание матери в сильнейшей любви к сыну, желании защитить его от страшного мира сыграно актрисой пронзительно, предельно подлинно и с огромным личным подключением.

Мама, единственная, называла сына по имени. Одноклассники, включая Бобрыкина, – только по фамилии, причем часто брезгливо. И только Таня всегда, с первого знакомства в песочнице, называла его, соединяя имя и фамилию: СашаШишин. Это было от нее – из того мира, где лужа становится морем, а чувства могут быть только сильными. Отсюда – название спектакля.

В немногочисленных статьях о постановке принято определять ее жанр как сказку для взрослых. Но это, скорее, баллада – страстная, нервная, нежная, преисполненная невероятной любви к Человеку. Гарик Сукачев пронизывает действие специально написанными для спектакля песнями Петра Налича, музыкально и текстуально блистательными гимнами любви и той тайной силе, которая это чувство сообщает.